

М. С. Долгополая

**Англоязычные понятийно-терминологические заимствования
отечественного литературоведения**

Отечественное литературоведение содержит разные заимствования из английского языка, в частности научную лексику, в которой отражаются различные социально-политические события. Понятийно-терминологическое наполнение таких слов, как Джон Буль и «пинкертоновщина», находит необходимое применение не только в собственно английской литературе, но и в русской. Принцип понятийно-терминологической аналогии обязательно учитывается при включении того или иного заимствованного слова в научный аппарат современной теории литературы.

Ключевые слова: заимствования, литература, Джон Буль, Пинкертон.

M. S. Dolgopolaya

English Notional-Terminological Borrowings of Russian Literary Criticism

Russian literary criticism has various borrowings from the English language, particularly, in the scientific vocabulary in which different socio-political events are reflected. A notional-terminological meaning of such words as John Bull and "pinkertonovschina" is widely adopted not only in English literature but also in Russian. The concept of notional-terminological similarity is obligatory to use including some borrowings to the scientific vocabulary of modern literary criticism.

Keywords: borrowings, literature, John Bull, Pinkerton.

И. А. Бродский, искусно владевший как русским, так и англоязычным стихом, в одном из своих интервью говорил следующее: «Дело писателя – создавать художественную литературу для развлечения общественности. Писатель может вторгаться в государственную политику только до той степени, до которой политика государства вторгается в сферу его профессиональной деятельности...» [5]. Эти слова поэта подтверждаются многочисленными общеизвестными примерами и русской, и собственно мировой литературы, когда политика и литература пребывают в тесном единстве. Рассмотрим один из возможных аспектов такого единства, отраженный в создании понятийно-терминологического пространства одной научной дисциплины (в данном случае англоязычного литературоведения) и заимствования ее достижений другой (отечественной теорией литературы). В англоязычном литературоведении, в отличие от отечественного, присутствие политических аспектов в художественном творчестве нередко закрепляется в специальной терминологии. То есть отдельная часть литературоведческого глоссария содержит в себе упоминания о

каких-либо общественно-политических событиях, значимых для истории страны личностей.

Так, в V–VI вв. имя легендарного короля Бриттов Артура, боровшегося с англосаксонскими завоевателями, легло в основу специфического литературного жанра «артуровских легенд» (англ. arthurian legends) или «артуровского романа» (англ. arthurian novel). В XV в. в поэтике закрепилось название королевской строфы (англ. rhyme royal), названной в честь короля Якова Шотландского. Однако историческая справедливость требует сказать, что впервые эту строфу применил Джеффри Чосер (1340–1400) в поэмах «Птичий парламент» (начало 1380-х гг.) и «Троил и Хризеида» (1382).

В книге Дж. Чосера «Троил и Хризеида», как и в близкой по содержанию пьесе У. Шекспира (1564–1616) «Троил и Крессида» (1609), воспроизводится ситуация, включающая и политические вопросы: сын царя Трои и дочь троянского жреца, сторонника греков, Крессида влюблены в друг друга, но в силу принадлежности к разным военным лагерям молодые люди не могут быть вместе. Пьеса Дж. Чосера заканчивается крушением любви главных героев, для которых государственный долг оказывается выше чувств. Та-

ким образом, королевская строфа и своим названием, и нередко содержанием книг, с применением такой формы организации стихотворного пространства, была связана с политической проблематикой. Примечательно, что в XV–XVI вв. королевская строфа была популярна не только у Э. Спенсера и У. Шекспира, но и у других авторов [7, с. 190].

Достаточно часто в английском литературоведении то или иное специальное понятие или термин соотносятся с именем первого лица государства: и это не только в артуровских легендах или королевской строфе, но также и в елизаветинской драме. Безусловная близость английской литературы с политикой отчетливо реализовалась и в возникновении на рубеже XIX–XX вв. «империалистической идеологии» неоромантизма (Р. Киплинг, А. Конан Дойл, Р. Л. Стивенсон, Дж. Конрад и др.).

Большинство литературоведческих понятий и терминов, в название и содержание которых включена та или иная общественно-политическая проблематика, возникают в определенную эпоху и не находят дальнейшего развития, но есть и такие, которые меняются, приобретают новые значения, характеристики, интерпретации. Продемонстрируем это качество на примере двух актуальных для современной теории литературы слов: одно (Джон Булль), этимологически связанное с литературой Великобритании, а другое («пинкертоновщина») – с культурой Америки.

Так, в XVII в. в искусстве зародился выдуманный сатирический персонаж английского просветителя Джона Арбетнота (1667–1735). В «Истории Джона Булля» (1712) был выведен герой памфлетов, символ Великобритании (это название закрепилось за объединенным королевством с 1707 г.), типичный англичанин – Джон Булль (англ. John Bull; букв. – Джон Бык), ставший с XVIII в. специальным литературоведческим термином. В елизаветинскую эпоху (вторая половина XVI – начало XVII в.) действительно жил придворный органист Джон Булль (1562–1628). Доподлинно неизвестно, но предполагается, что именно этот композитор написал музыку к английскому гимну в первой половине XVIII в. «Боже, спаси короля!». С этого момента образ Джона Булля стал неразрывной частью внутриполитических умонастроений англичан. Более того, традиционный костюм Джона Булля соответствовал цветам государственного флага (белый, синий, красный) Великобритании.

Первоначально в образе Джона Булля выступал один из представителей народных масс, страдающий от непомерных налогов и постоянных притеснений со стороны правительства. В период войны с Францией Джон Булль стал ассоциироваться со средним классом, поэтому уже проявлял лояльность по отношению к королевской семье. Позднее его политические предпочтения видоизменились, и Джон Булль выступал за права всех граждан Великобритании. Также интересно отметить, что со времен королевы Елизаветы (1533–1603) существовал образ утонченной аристократки, а с появлением Джона Булля (представителя народа) эти герои начали символизировать Великобританию, в том числе и в международном формате.

Таким образом, черты характера Джона Булля менялись в соответствии с общественно-политическими веяниями разных эпох. Еще более популярным Джон Булль стал после театральной постановки Джона Колмена Младшего (1762–1836) «Джон Булль, или семейная жизнь англичанина» (1803). Более трехсот лет Джон Булль является своего рода персонификацией Великобритании (в большей степени Англии, так как ни в Шотландии, ни в Уэльсе он не был принят), и в XXI в. он остается востребованной фигурой для карикатуристов всего мира. Термин нашел свою интерпретацию и в России, например, в 1996 г. в Москве открылась целая сеть пивных баров «Джон Булль» (англ. John Bull Pub), чтобы, не выезжая за пределы страны, посетители баров смогли ощутить настоящий дух туманного Альбиона. Образ Джона Булля нашел отражение в шуточном четверостишии С. Я. Маршака (1887–1964): Джон Булл, Джон Булл, Джон Булл, / как ты живот раздул, / не можешь перепрыгнуть / через трехногий стул [2]!

В исторических трансформациях образа героя Великобритании Джона Булля отчетливо отражаются различные общественно-политические реформы. Аналогичный персонаж, в характеристике которого пересекаются политика и литература, существует и в другой англоязычной стране. В начале XX в. в Америке в период роста капитализма возникает «пинкертоновщина» (англ. Pinkerton), в основу которой положена фамилия реального американского сыщика Аллана Пинкертона (1819–1884). Как отмечает А. Н. Николкин, А. Пинкертон 4 марта 1861 г. сообщил президенту США Аврааму Линкольну (1809–1865) о подготовке покушения на него в Балтиморе (штат Мэриленд) [4, с. 746]. Президент, выслушав сы-

щика, изменил маршрут своего движения и впоследствии сделал этого человека начальником своей охраны. Позже А. Линкольну донесли о корыстных мотивах А. Пинкертона, что повлекло за собой отставку сыщика с занимаемого им поста. При этом существует вероятность того, что четыре годами позднее А. Линкольн мог бы остаться в живых, если бы рядом с ним находился А. Пинкертон. Интересно, что Андрей Медведев пишет о существовании в России двух людей, похожих на Пинкертона: И. Д. Путилин (1830–1893) и А. Ф. Кошко (1867–1928). И. Д. Путилин возглавлял сыскную полицию в Петербурге. Р. Л. Антропов под псевдонимом Роман Добрый выпускал книги об И. Д. Путилине, а Л. А. Юзефович (род. в 1947 г.) писал исторические детективы о «Приключении сыщика – Ивана Путилина». А. Ф. Кошко начал службу в рижской полиции, а в 1913 г. возглавил сыск Российской Империи [3]. А. Ф. Кошко в последние годы писал автобиографичные детективные рассказы, которые были собраны в трехтомное сочинение «Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции и заведывающего всем уголовным розыском Империи» [1].

В современной теории литературы закрепилось понятие «пинкертоновщина», в названии которого ощущается пренебрежение (достаточно сравнить это понятие со словами, образованными по аналогичному суффиксальному принципу, – достоевщина, толстовщина, гоголевщина, булгаковщина и др.). Примечательно, что новые понятия и термины, вводимые в языковую среду, должны отличаться благозвучием. Слово «пинкертоновщина» противоречит требованиям эвфонии, так как вызывает отрицательные ассоциации, но именно этот факт позволяет в его звучании предположить негативную характеристику, что в действительности оправдывается смысловым наполнением существующего обозначения некоторых произведений детективно-приключенческой литературы.

Открытие, о котором идет речь, принадлежит американскому писателю Дэвиду Хэммету (1894–1961), который в 1915 г. получил работу в детективном агентстве А. Пинкертона. По состоянию здоровья Д. Хэммету пришлось переквалифицироваться. Впоследствии он стал родоначальником «пинкертоновщины». Однако в своих романах писатель использовал исключительно героя по имени Сэм Спейд, при этом имя Ната Пинкертона хорошо знакомо широкой ау-

дитории. Однако авторы, обращавшиеся к этому литературному персонажу, в настоящее время практически неизвестны читателям. Объяснение этого факта состоит в том, что большинство писателей скрывали свою принадлежность к литературе такого рода (нередко довольно популярной у читателей). При этом в свое время существовало большое количество нашумевших произведений, написанных о герое-сыщике Нате Пинкертоне: например, «Борьба на всячем мосту», «Заговор преступников» и др. Примерно двадцать книг вышли из под пера самого А. Пинкертона: «Агент транспортной конторы и детектив» (1874), «Детектив и сомнамбула» (1875), «Профессиональные воры и сыщики» (1881) и др.

Романы, в которых выводились герои, похожие на Пинкертона, пользовались успехом у читательской аудитории, но вызвали отрицательный отклик у критиков. Так, К. И. Чуковский (1882–1969) в статье «Нат Пинкертон и современная литература» (1908) писал об особенностях детективного жанра и считал, что «многомиллионному дикарю нужен вождь, за которым идти, ему нужен герой, перед которым склониться» [6, с. 117–149]. По мнению русского писателя и критика, в пятидесяти трех книгах, которые он прочел о приключениях сыщика, вся гениальность американского героя заключается в умении раздавать оглушительные тумаки, оплеухи и наносить страшные удары. Действительно, главными героями «пинкертоновщины» становились смелые и отважные сыщики, чьи усилия были направлены на борьбу с преступностью [4, с. 746], а в обязанности им вменялось быть на страже буржуазного строя и империалистической идеологии. В. С. Высоцкий (1938–1980) о знаменитом сыщике в 1968 г. написал песню: «Нат Пинкертон – вот с детства мой кумир...».

В России «пинкертоновщина» получила наибольшее распространение после революции 1905 г., когда идеи отвлечения от классовой борьбы стали наиболее актуальными и возникла потребность в настоящем герое, способном в нужный момент оказать помощь. Книги о приключениях американского сыщика не оставили равнодушным Н. И. Бухарина (1888–1938), который опубликовал статью в газете «Правда» (1923) с призывом советских писателей создать своего «красного Пинкертона» для продвижения идей революции. Естественно, что на такой призыв откликнулись и советские писатели. Так, только в 1923 г. было издано, по меньшей мере,

две книги, а именно: роман «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» М. С. Шагинян (псевдоним Джим Доллар, 1888–1982) и «Трест Д. Е. История гибели Европы» И. Г. Эренбурга (1891–1967). При этом большинство произведений представляли собой несложную имитацию «пинкертоновщины» и не имели ничего общего с «высокой» литературой.

В исторических трансформациях литературного образа Великобритании Джона Булля отражаются различные политические реформы, а в «пинкертоновщине» воспроизводится образ героя, чьи усилия направлены исключительно на создание положительного имиджа Америки в мировом пространстве.

Следует отметить, что в русской литературе, нередко обращаясь к таким героям, как Джон Булль или Пинкертон, есть и собственные оригинальные аналоги. В частности, такая параллель отчетливо прослеживается между непрофессиональными писателями-сыщиками Алланом Пинкертоном и Иваном Путилиным и их воплощением в литературных героях Нате Пинкертоне и Иване Путилине. В России и сегодня существуют свои национальные герои-сыщики (в сравнении с западными Шерлоком Холмсом, Мисс Марпл, Нэнси Дрю, Коломбо и др.). Популярности литературным персонажам добавляют и их кинематографические реализации: прежде всего, это классический образ Штирлица (советского разведчика М. М. Исаева, настоящее имя – В. В. Владимиров) из историко-политических романов Юлиана Семенова, а также современные версии детективов с участием Насти Каменской (Александры Марининой), Эраста Фандорина (Бориса Акунина), Игната Сизова (Даниила Кореецкого), Евлампии Романовой (Дарьи Донцовой) и др. Все эти персонажи – герои, как правило, книг одного автора. Однако в англоязычной литературе существуют устойчивые персонажи, популярные в произведениях авторов разных стилевых тенденций и направлений.

Таким образом, использование общенаучных (анализа и сравнения), а также теоретического и сравнительно-исторического методов подтверждают мысль о том, что общественно-политическая и собственно литературная сферы взаимно соприкасаются и обогащают одна другую. Этот контакт выражается в появлении специальных литературоведческих понятий и терминов с использованием имен собственных (антропонимов), содержательная основа которых (с учетом исторического факта приобретения име-

нем собственного нарицательного звучания) включает различные сопряженные с общественно-политической картиной мира аспекты. Отношения между социальными группами в определенных общественно-политических условиях создают разные художественные модели, проектирующиеся в литературном творчестве писателей. В этой связи включение литературоведческого термина «Джон Булль» и понятия «пинкертоновщина» в основной глоссарий отечественной теории литературы оправдано. В законах заимствования англоязычных терминов и понятий учитывается как принадлежность специальных научных слов определенной национальной литературе, так и востребованность заимствованной лексики собственно отечественной наукой. Принцип понятийно-терминологической аналогии обязательно учитывается при включении того или иного заимствованного слова в научный аппарат современной теории литературы.

Библиографический список

1. Кошко, А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сысковой полиции и заведывающего всем уголовным розыском Империи [Текст] / А. Ф. Кошко. – Париж, 1926.
2. Маршак, С. Я. Собрание сочинений [Текст]: в 8 т. / Под ред. В. М. Жирмунского, И. С. Маршака. – М.: Художественная литература. – Т. 2, 1968. – 600 с.
3. Медведев, А. «Пинки» и Пинкертон [Текст] / А. Медведев // Планета. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <http://planeta.by/article/607>
4. Николукин, А. Н. «Пинкертоновщина» [Текст] / А. Н. Николукин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николукина. – М.: НПК Интелвак, 2001. – С. 746.
5. «Новая Одиссея» Памяти Иосифа Бродского (1940–1996). Беседа А. Михника с И. Бродским / пер. с польского Бориса Горобца, под ред. Виктора Куллэ [Текст] // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/>
6. Чуковский, К. И. Нат Пинкертон и современная литература [Текст] / К. И. Чуковский // Собр. соч.: в 6 т.: Т. 6: Статьи 1906–1968 годов. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 117–149.
7. Baldick, Chris. The concise Oxford dictionary of literary terms [Text] Chris Baldick / Oxford New York: Oxford university press, 1996. – P. 190.